

12+

ЯРОСЛАВ СПИРИДОНОВ

ОНТОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ

Ярослав Спиридонов

**Онтология человеческой
уязвимости**

«Издательские решения»

Спиридонов Я.

Онтология человеческой уязвимости / Я. Спиридонов —
«Издательские решения»,

Книга посвящена анализу базовых структур психической реальности применительно к человеческой уязвимости. Раскрываются психоаналитическая сущность и основные характеристики психологической уязвимости человека. Книга будет полезна психологам, психотерапевтам, психиатрам, психоаналитикам, педагогам, социологам, антропологам и всем тем, кто интересуется психологией в целом и проблематикой психической реальности в частности.

© Спиридонов Я.
© Издательские решения

Содержание

1. Постановка проблемы. Предварительные замечания	6
2. Перевернутый Винникотт. Ядерная самость. Индикаторы Ядерной самости	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Онтология человеческой уязвимости

Ярослав Спиридонов

© Ярослав Спиридонов, 2026

ISBN 978-5-0070-7788-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЯРОСЛАВ СПИРИДОНОВ

Моим студентам и пациентам
с любовью, уважением и благодарностью посвящаю

Содержание:

1. Постановка проблемы. Предварительные замечания.
2. Перевернутый Винникотт. Ядерная самость. Индикаторы Ядерной самости.
3. До Ядерной самости. Основные свойства первичного поля.
4. Виды психической реальности. Метафора театра.
5. Уязвимость сюжета. Символическая реальность.
6. Уязвимость коллапса. Постсимволическая реальность.
7. Уязвимость зрителя. Эстетическая реальность.
8. Уязвимость нерожденного. Перверсивная (досимволическая) реальность.
9. Трансформация стыда. Манифест витальности.
10. Уязвимость и прекрасное.

Литература

Пожелание читателю: читайте медленно, не торопитесь.

1. Постановка проблемы. Предварительные замечания

Психическая реальность есть ответ человеческой уязвимости на воздействия среды. Это буфер между тем, о чем не говорится и тем, что нас окружает, и с чем мы сталкиваемся. Пока этот тезис вам не совсем понятен. И это нормально. Ближе к концу вы увидите в нем смысл. Поехали.

Любое человеческое взаимодействие есть выражение определенной формы близости. Однако мы ее успешно маскируем. Мне очень нравится пример, который на своих выступлениях приводит Славой Жижек. Мне кажется, я сам его часто повторяю студентам.

У Жижека был друг. У него была жена. Однажды она серьезно заболела. Это был рак: сторела за три месяца. Жижек с друзьями пришли поддержать своего друга, сели напротив. В какой-то момент они заметили странное поведение вдовца: тот рассказывал о последних минутах смерти своей жены без каких-либо эмоций, хотя он ее очень любил. При этом во время рассказа он держал в руках хомяка, играл с ним: это был любимый хомяк его жены. И пока он с ним играл, у него было ощущение, что она жива...

Но хомяки долго не живут. Вскоре он умер. И вот тогда вдовец и сломался: попытался совершить суицид, его госпитализировали.

И вот здесь Жижек замечает, что всякий раз, когда человек проявляет излишнюю уверенность или цинизм, хочется спросить: «Эй, мужик, а где твой хомяк»?

Что останется на том месте, где раньше был хомяк? Вернее, так: с чем человек остается, если из его рук убрать хомяка? Что он почувствует, этот человек без хомяка? И вот здесь, в этом месте, важна пауза. Пауза, после которой важно повторно, не торопясь, с замедлением задать этот же вопрос: что останется на том месте, где раньше был хомяк? От чего здесь так неуютно и даже иногда невозможно?

И вот здесь мы можем дать волю своему ассоциативному ряду. Ряду, который позволяет столкнуть нас с чем-то максимально чувствительным, о котором даже говорить сложно, сложно подбирать слова, сложно пытаться представить. Слова вообще не способны полностью закрыть, заклепать, охватить то, чему хочется быть высказанным, обнаженным, услышанным, оголенным, увиденным, доступным, осязаемым, актуальным и, одновременно, — спрятанным и неузнанным.

Григорий Печорин, герой известного романа Михаила Юрьевича Лермонтова¹, по долгу службы по дороге на Кавказ, оказывается в небольшом городке на берегу Азовского моря — Тамани. Печорин три ночи не спал и, конечно же, нуждался в ночлеге. Однако в городке все было занято. И вот сопровождающий нехотя предлагает ему оставшийся вариант, заранее предупреждая, что там «нечисто». «Нечисто» не в плане гигиены, а в плане того, что в избушке живет что-то потустороннее, пугающее, непонятное.

Действительно, в ветхой хижине, в которой отсутствовали иконы (что для тех времен и мест является очень странным), жила глухая старушка с молодой девушкой, своей дочерью, и слепым мальчиком. И все здесь не просто так. Повсеместное притворство: старуха была не совсем глухой, а мальчик не совсем слепым — он странным образом весьма неплохо ориентировался в городке: сам ходил на рынок и легко передвигался по опасным береговым выступам. И еще... У этого мальчика был устойчивый и проверяемый контакт с внешним миром. Это угадывалось в хитрой улыбке мальчика на попытку Печорина заглянуть ему в лицо: эта странная слепота мальчика, который не видит и видит одновременно. Он будто бы знает нечто большее, нежели видится и приписывается ему со стороны.

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — М.: Издательство АСТ, 2024. — 320 с.

Мальчик разговаривал с Печориным на малороссийском наречии. Однако, оставаясь наедине с ундиной-дочерью старушки, сразу же переходил на чистый русский язык. Везде виделось притворство.

В первую же ночь Печорин, заметив странный шум, пошел в направлении берега и стал свидетелем странной сцены: ундина и мальчик ждали прибытия мужчины. Мужчину звали Янко, он был контрабандистом. Он незаконно переправлял вещи через Керченский пролив. Слепой мальчик и красавица-ундина ему помогали на берегу: встречали и передавали наворованный товар. За всем этим наблюдал Печорин, тогда еще не понимая, что происходит, но, интуитивно предполагая, что происходит что-то незаконное.

Образ красавицы-ундины тоже загадочен: она кружит вокруг Печорина, поет песни, сочиненные на ходу, но не признается, как ее зовут — «кто крестил, тот и знает». Однако, как только Печорин дает ей знать, что видел ее на берегу той ночью, ундина тут же исчезает. Однако чуть позже появляется и пытается его соблазнить поцелуем, затем назначает ему рандеву ночью. Ночью они уплывают в лодке далеко в море, где девушка пытается столкнуть в море Печорина, однако он выкручивается из цепких рук ундины и спасается, выталкивая ее саму в море.

Боясь быть пойманными и наказанными, ундина и Янко уплывают. Янко забирает девушку с собой. Мальчика же они оставляют на берегу. Одного. «А как же я?» — обращается к ним слепой мальчик. «А на что ты нам? — слышит он в ответ — На, купи себе пряников». Брошенную ему монету он не поднимает. А далее Печорин описывает удаляющийся белый парус и долгий-долгий плач слепого мальчика на берегу.

Слепой мальчик на берегу, удаляющийся парус и монета. Горькие слезы мальчика, реальность которого была выстроена вокруг этого удаляющегося паруса. Ради него он выстраивал ложную жизнь, притворяясь, что не знает русский язык, рисковал, помогая осуществлять незаконную торговлю и воровство. Взамен осталась лишь брошенная монета: «купи себе пряников».

Мы еще вернемся к образу Печорина. К тому, что он в себе прячет. К тому, почему именно для него чувствовать — смертельно опасно. Почему он тот, для которого мир — это мир вещей. Мир людей-вещей. Почему он совсем не привязывается к людям, а только развлекается с ними. И что с ним будет, если он на самом деле привяжется к живому человеку. И, наконец, что с ним будет, если его увидят.

Одна моя пациентка очень не любила свои дни рождения. По ее словам, она чувствовала себя ужасно, когда ей дарили подарки. Это касалось не только дней рождения — в целом покупка каких-либо вещей, например, со стороны мужа, завершалась часто скандалами. Тот крайний эмоциональный дискомфорт, «когда хочется убежать и спрятаться», приводил к вспышкам ярости при любом намеке на возможную покупку. Мужу приходилось ухитряться и выкручиваться, тайком покупать ей вещи.

У нее не было любимых фильмов, любимой музыки, любимых книг. Вообще никаких предпочтений. Она жила предпочтениями близких. Была очень хорошей мамой, женой и старшей сестрой. Очень внимательной и крайне ответственной. Она очень чутко улавливала желания детей и мужа. Их желания становились ее желаниями — полная идентификация себя через других.

Но это не главное. Главное — она как огня боялась взглядов со стороны. Панически боялась камер. Даже камер наблюдения в общественных местах. И это не дисморфофобия: она была привлекательной девушкой и прекрасно это осознавала, ей нравилось свое тело. Да и в целом она была достаточно социально адаптивна: с самого детства ей приходилось быть взрослой: на ее плечах были младшие братья и сестры. С семи лет она сама готовила еду и прибиралась в доме. Фактически у нее не было детства; она даже шутила, что родилась уже взрослой. Ранняя ответственность, ранняя самостоятельность, ранние отношения. Даже речь и

способ мышления соответствовали поколению намного более старшему, нежели ее паспортный возраст.

Привычка заботиться была в ее базовой прошивке. Это проявлялось, помимо заботы о близких, в заботе об уличных домашних животных: она забирала к себе любую бездомную собаку или кошку, которая попадалась ей на пути. Она была большой мамой для всех.

Но, повторюсь, единственное, что ее пугало — взгляды других, внимание других, та позиция, то состояние, когда на нее смотрят. «Невыносимо быть видимой! — признавалась она — я как медуза, которую выбросили на берег и из которой испаряется вода, из которой она, медуза, состоит. Взгляды других, внимание ко мне — это как лучи солнца, прожигающие и испаряющие меня, медузу. От нее ничего не должно остаться, только воздух и еле заметные фрагменты туши. Туши, от которой ничего не останется заметного. Ни-че-го! И что мне остается? Да! Проще быть невидимкой. Без всяких следов своего присутствия».

Однако, стоит отметить, это важно: местом, где она могла прятаться, были ее близкие. Это те, о которых она могла заботиться. Другие легитимизировали ее присутствие. Другие — разрешенный буфер между тем, кем быть нельзя, и взглядом, который на нее смотрит. Здесь быть разрешено, здесь меня не видят. Здесь я помогаю вам жить. Здесь я присутствую через вас.

Другой пациент настолько не любил быть запечатленным, что срывался при любой малейшей попытке зафиксировать его на камеру. Дело доходило до драки с друзьями, которые, не совсем понимая серьезность его реакции, пытались, вопреки его желанию, снять его на камеру. Реакция была мгновенной и непонятной для других. Взгляд другого, фиксирующий его присутствие, — вот что являлось главным злом. Ведь на него могли смотреть, смотреть без него. Будто бы ты, зафиксированный на изображении, перестал себе принадлежать. Ты оказываешься в чужих руках, твоя анонимность аннулируется. Буфером между взглядом другого и им самим были картинки, которые он ставил в виде аватарок в своих социальных сетях. Это были изображения мультипликационных героев, чаще всего — ежиков.

Мы часто прячемся, боясь быть обнаруженными, создаем реальности, защитные структуры, позволяющие нам удобоваримо взаимодействовать с миром. Однако поддержание этих защитных структур требует существенных затрат: здесь нужны постоянные психологические инвестиции, нужны силы.

Плюс у этого всего есть обратная сторона: защитная структура выдает, да, именно выдает, человеческую уязвимость. Она, как минимум, высвечивает ее локацию.

Представим себе провод, через который проходит электрический ток. Провод не первой свежести и в некоторых местах замотан изолирующей лентой. Места, где слой изоляции высвечивается наиболее явно, обмотка наиболее плотная и насыщенная, именно там провод поврежден, именно там он максимально оголен. Функция изоляции, одновременно защищая, высвечивает уязвимость провода. Там, где много изоляции, много уязвимости. Тоже самое происходит тогда, когда человек лжет. Там, где он лжет более всего, он более всего уязвим. Мне нравится человеческая ложь: она говорит о человеке гораздо больше высказанной правды. Правду говорить легко, лгать — сложно.

Один мой пациент выдумал свой собственный мир, который включал в себя легенду его жизни, которую приходилось постоянно подтверждать. Ему было не совсем комфортно находиться в Петербурге, не совсем комфортно по статусу рождения. Поэтому в рамках его легенды он был из Южно-Сахалинска: «Ну, круто же быть из Южно-Сахалинска? Это необычно, там своя аура. До Японии рукой подать!».

Он увлекался спортивными мотоциклами, опять же — для легенды. Выписывал журналы, изучал проблематику, связанную с мотоспортом. Часто говорил о мотоциклах со всеми. Купил себе одежду «под мотоциклиста-гонщика». И даже сумел приобрести спортивный мотоцикл. В кредит, разумеется.

Все это нужно для поддержания того круга людей-друзей, с которыми в своем мире-легенде он общался. Они даже не подозревали, что все это было в кредит, тем более, что все это — символическая бутафория, направленная на поддержание им же понимаемого гомеостаза.

Он так продержался достаточно долго — несколько лет. Пока замученный кредитами и постоянным инвестированием как материальных, так и душевных сил для поддержки его иллюзиона не выдохся и не впал в состояние эмоционального упадка. Это подобно маниакальному переживанию депрессии: хватает лишь на определенное время, дальше — истощение и эмоциональная яма.

Согласно его концепции, он может быть принят лишь при определенных условиях, в определенном статусе и определенными людьми. Для этого нужно было эти условия поддерживать ценой невероятного напряжения и без шансов на долгосрочный успех. Его желаемая жизнь была ему не совсем по карману. Он выдохся.

Больше всего он боялся, что бутафория разрушится, и он предстанет перед ними в своем естестве, в том, что пыталось скрыться, в том, что и для него самого не совсем доступно, — в собственной уязвимости. Взгляд другого может обнаружить его в том, что он сам по себе выдержать не может.

Ложь — уникальная дискурсивная практика-индикатор собственной уязвимости. Где изощенный, вычурный симптом скрывает подлинную уязвимость. За фасадом скрывается то, что смотрит на тебя и через тебя. И это прекрасно, скажу я вам! Клинически прекрасно. Бесконечно прекрасно.

Выше я привел в пример несколько «психологических миров» как из практики, так и из литературы. Сделал я это по одной простой причине — показать единое их основание. Основание это кроется в допущении, что любая психическая реальность есть ответ человеческой уязвимости на воздействие среды. Здесь я бы повторно акцентировал на этом ваше внимание, а еще лучше — проделал бы это несколько раз. Итак, наша психическая реальность есть ответ нашей уязвимости на воздействия среды. Что же скрывается за этим «буфером»? Попробуем разобраться.

2. Перевернутый Винникотт. Ядерная samость. Индикаторы Ядерной samости

Известному британскому психоаналитику Дональду Винникотту принадлежит афоризм: «не существует такой вещи, как младенец»². Еще раз: не существует такой вещи, как младенец! Что это значит? Здесь имеется в виду, что младенец находится в такой тотальной зависимости от матери, что отдельно от нее воспринимать его не имеет смысла: психика младенца развивается и функционирует в неразрывной связи и в неразрывном контексте материнской психики. Психика матери и младенца в этом понимании — почти одно целое не в контексте биологических единиц, а в контексте совместной системы взаимодействий на подобии сообщающихся сосудов (если можно привести такое сравнение).

Важен еще один момент: жизнеобеспечивающие психологические функции ребенка формируются матерью. В качестве примера, можно сделать отсылку к концепту альфа-функций Уильфреда Биона³. Альфа функция — это процесс перевода «сырых», несимволизированных, недоступных переживаний, обозначаемых в качестве бета-элементов, в символизированные, осмысленные и доступные переживания, ощущения и образы, обозначаемые в качестве альфа-элементов. Сам процесс реализуется материнской фигурой. Пример: младенец ощущает смутную тревогу и начинает беспокоиться, мама откликается на это, прижимает его к себе и успокаивает младенца. По схеме Биона бета-элементы младенца здесь были контейнированы в материнскую психику, трансформированы в альфа-элементы и возвращены назад. При дефектах в реализации альфа-функции в будущем возникают проблемы в символизации, осознании и управлении собственными переживаниями: они недоступны для человека.

Итак, вернемся к Дональду Винникотту. Прав ли он в своем утверждении, согласно которому «не существует такой вещи, как младенец»? Что останется от младенца без материнской фигуры? Что останется от психики младенца, если оттуда вычленить материнский объект? И здесь есть из чего вычитать! Еще раз: здесь есть из чего вычитать. Интуитивно мы это понимаем, но дотронуться или увидеть это почти невозможно. Это то, что является сердцевинной нашей психики, сердцевинной нашей витальности, это наша Ядерная samость. Это максимально уязвимая и минимально неорганизованная часть нашей психики.

Это то место, где располагается источник эмпатии, стыда и базового доверия. Выдержать оголенную Ядерную samость можно только в коротких интервалах: подсветка на длительное время сложно реализуема и даже (иногда) губительна. В последнем случае неизбежен шизоидный уход в «пещеру», где безопасно и никто не видит. Каждый из нас испытывал опыт, когда нам хотелось спрятаться и даже исчезнуть. Когда находиться среди других было просто невыносимо.

Если говорить о шизоидном уходе, то он часто является следствием сверхчувствительности к среде. Этот момент уточнял Хайнц Кохут в своей работе «Анализ samости»⁴, говоря о том, что шизоидность является не только следствием ухода от внешнего мира, но излишней хрупкости samости, — samость таким образом себя спасает от распада или повреждения под влиянием внешней среды. Мне это напоминает пример-метафору с медузой, которая избегает солнечных лучей. Он был отмечен выше. Да, пример с медузой мне кажется точным, и в дальнейшем я его буду неоднократно использовать. Например, вода, как аналог (еще какой!) пер-

² Винникотт Д. Ребенок, семья и внешний мир — СПб.: «Питер», 2019. — 272 с.

³ Бион У. Р. Научение через опыт переживания — М.: «Когито-Центр», 2017. — с. 128

⁴ Кохут Х. Анализ samости: Системный подход к лечению нарциссических нарушений личности. — М.: Когито-Центр, 2003. — 308 с.

вичного поля, где медуза чувствует себя безопасно. Однако, когда ее выбрасывает на берег, то под влиянием солнечных лучей она высыхает, испаряется, сгорает.

Важными первичными индикаторами Ядерной самости являются чувство стыда и базового доверия. Однако наиболее продуктивное, конструктивное и безопасное ее вторичное проявление — возбуждение, реализующееся в интересе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.